

УДК 304.2

ИНСТИТУТ СЕМЬИ В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНЫХ РИСКОВ: КОНФУЦИАНСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ПОСТМОДЕРНИЗМУ

А. В. БАЧУН^{1), 2)}

¹⁾Белорусский государственный университет физической культуры,
пр. Победителей, 105, 220020, г. Минск, Беларусь

²⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Проанализированы системные риски, угрожающие институту семьи в XXI в.: демографический кризис, экономическая незащищенность, культурно-моральный сдвиг, конфликт новых гендерных ожиданий и др. Показано, каким образом ценностно-методологические ресурсы конфуцианства могут быть использованы для их снижения. Отмечено, что обозначенные риски взаимно усиливают друг друга и образуют систему, подрывающую устойчивость института семьи. Предложена четырехкомпонентная стратегия сохранения института семьи, основанная на конфуцианских принципах истинного правления и личного примера.

Ключевые слова: семья; брак; институт семьи; демографический кризис; конфуцианство; постмодернизм; неблагоприятный детский опыт; гендерные конфликты; социальная стабильность; традиционные ценности.

Образец цитирования:

Бачун АВ. Институт семьи в условиях системных рисков: конфуцианская альтернатива постмодернизму. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2026;1:20–25.
EDN: LNTKBZ

For citation:

Bachun AV. The family institution in the context of systemic risks: a Confucian alternative to postmodernism. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2026;1:20–25. Russian.
EDN: LNTKBZ

Автор:

Алексей Витальевич Бачун – преподаватель кафедры философии и истории спортивно-педагогического факультета спортивных игр и единоборств¹⁾, аспирант кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук²⁾. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор Т. Г. Румянцева.

Author:

Alexei V. Bachun, lecturer at the department of philosophy and history, sports and pedagogical faculty of sport games and martial arts^a, and postgraduate student at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences^b.

himikava@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0003-9814-8467>

THE FAMILY INSTITUTION IN THE CONTEXT OF SYSTEMIC RISKS: A CONFUCIAN ALTERNATIVE TO POSTMODERNISM

A. V. BACHUN^a

^aBelarusian State University of Physical Culture, 105 Pieramozhcaw Avenue, Minsk 220020, Belarus

^bBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. This article analyses the systemic risks threatening the family institution in the 21st century: demographic crisis, economic insecurity, cultural and moral shift, conflicting new gender expectations, ect. It is shown how the value and methodological resources of Confucianism can be used to mitigate them. It is noted that these risks mutually reinforce each other and form a system that undermines the stability of the family institution. A four-component strategy for preserving the institution of the family is proposed, based on the Confucian principles of true governance and personal example.

Keywords: family; marriage; family institution; demographic crisis; Confucianism; postmodernism; adverse childhood experiences; gender conflicts; social stability; traditional values.

Введение

Тезис о том, что институт семьи находится под угрозой исчезновения, требует рассмотрения не только как совокупности симптомов, но и как процесса возможного системного распада, ведущего к исчезновению воспроизводящих и институциональных функций семьи. Следует выделить ряд факторов, способствующих этому распаду: демографический кризис [1; 2]; риски для персональной безопасности (войны, терроризм, преступность, эпидемии, катастрофы) [3; 4]; экономическая незащищенность¹; культурно-моральный сдвиг [3; 5; 6]; конфликт новых гендерных ожиданий [3]; проблемы коммуникации между партнерами и их договороспособности; психосоциальные страхи, тормозящие семейное объединение [3; 4; 7–9]; распространение медиафеноменов, радикализирующих межгендерные ожидания². Эти элементы автор настоящего исследования принимает как базу для эмпирического описания процесса исчезновения института семьи и сопоставляет с методологией и нормами конфуцианства доиндустриальной эпохи. Рассмотрим каждый из описанных выше факторов подробнее.

Демографический кризис. Налицо устойчивое снижение количества заключаемых браков и уровня рождаемости в развитых странах. В ряде государств (особенно в некоторых странах Восточной Азии) показатели рождаемости опускаются до ульт-

ранизких, что ставит под вопрос воспроизводство населения, а также сохранение демографической и общей устойчивости общества [1; 2]. Результаты исследований ООН указывают на то, что снижение уровня рождаемости наблюдается во множестве регионов мира и представляет собой транснациональную тенденцию [1; 2].

Риски для персональной безопасности. Риски для жизни и здоровья всегда являются самым главным барьером на пути к созданию семьи и воспроизводству населения. Риски гибели или получения увечий (потеря кормильца, безотцовщина, инвалидизация, осиротение, тяжелые психические расстройства и др.) также представляют собой целый спектр фундаментальных угроз [3; 4].

Экономическая незащищенность. Нестабильность рынка труда и доходов, дороговизна жилья и ухода за детьми формируют материальный барьер, препятствующий созданию и расширению семей. Отсрочка брака и родительства выступают прямым ответом на экономическую неопределенность; уровень материального обеспечения остается базовым фактором принятия решения о создании семьи³.

Культурно-моральный сдвиг. Современные ценностные практики ослабляют роль таких интегративных добродетелей, как верность, ответственность, умеренность, искренность, постоянство. «Ритуальные

¹Fertility trends across the OECD: underlying drivers and the role for policy // OECD : website. URL: https://www.oecd.org/en/publications/society-at-a-glance-2024_918d8db3-en/full-report/fertility-trends-across-the-oecd-underlying-drivers-and-the-role-for-policy_770679b8.html (date of access: 01.09.2025).

²Сколько парень должен зарабатывать? [Электронный ресурс] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/shorts/msCOoU5ANpw> (дата обращения: 02.09.2025) ; Brady W. J., Crockett M. J. «Likes» and «shares» teach people to express more outrage online [Electronic resource] // YaleNews. URL: <https://news.yale.edu/2021/08/13/likes-and-shares-teach-people-express-more-outrage-online> (date of access: 01.09.2025) ; Mochon D., Schwartz J. Rage clicks: study shows how political outrage fuels social media engagement // Tulane University : website. URL: <https://news.tulane.edu/pr/rage-clicks-study-shows-how-political-outrage-fuels-social-media-engagement> (date of access: 01.09.2025) ; Profit motivation of social media companies may compel them to inject bias and create polarization, study finds // University of Kansas : website. URL: <https://business.ku.edu/news/article/profit-motivation-of-social-media-companies-may-compel-them-to-inject-bias-and-create-polarization-study-finds> (date of access: 01.09.2025).

³Fertility trends across the OECD: underlying drivers and the role for policy // OECD : website. URL: https://www.oecd.org/en/publications/society-at-a-glance-2024_918d8db3-en/full-report/fertility-trends-across-the-oecd-underlying-drivers-and-the-role-for-policy_770679b8.html (date of access: 01.09.2025).

замки» брачных обязательств (брак как церковный институт, брачная клятва верности перед лицом Бога) утрачены, формальная регистрация брака не играет прежней моральной роли [10]. Последствия этого сдвига включают «эрозию» доверия между партнерами и их взаимных обязательств, легитимацию альтернативных форм партнерства и родительства, рост числа одиноких людей и людей с психическими проблемами, в долгосрочной перспективе – ослабление институциональной устойчивости семьи [11].

Проблемы коммуникации между партнерами и их договороспособности. Распространенность неблагоприятного детского опыта и нарушения привязанности, ставших массовыми явлениями, выступает причиной психической нестабильности, провоцирующей ненадежность и неприятие личной моральной ответственности, отвержение каких-либо обязательств, что подрывает доверие и снижает коммуникативную гибкость партнеров. Как следствие, пары (семьи) становятся менее устойчивыми, неспособными заключать долговременные договоренности и конструктивно решать конфликты, что повышает риск их распада и при системном распространении может повлечь исчезновение семьи как института [3; 4; 7–9].

Конфликт новых гендерных ожиданий. Процесс эмансипации и патриархальные привилегии создают системный разрыв: женщины получают автономию, но сохраняют материальные и культурные требования к мужчинам; мужчины, в свою очередь, боятся экономических потерь и эксплуатации. Этот разрыв приводит к патологии совпадения ожиданий, блокирующей семейное объединение, что особенно характерно для постсоветского пространства [3].

Психосоциальные страхи, тормозящие семейное объединение. Мужские и женские страхи (финансовая уязвимость, страх быть внезапно покинутым (покинутой), страх потери автономии и др.) выстраивают порочный круг недоверия, уменьшающий число прочных союзов и рождаемых детей.

Распространение медиафеноменов, радикализирующих межгендерные ожидания. Агенты сетевой радикализации (медийные фигуры) усили-

вают поляризацию, поощряя конфликтное поведение пользователей: алгоритмы социальных платформ продвигают эпатажный и провокационный контент, который нормирует антисемейные практики и ускоряет распад института семьи⁴. Например, в рамках популярного на онлайн-платформах *Инстаграм* и *TikTok* формата видеороликов «вопрос на улице» авторы контента в погоне за просмотрами подходят к молодым женщинам и задают провокационные вопросы (например, вопрос «Какой зарплаты ты ждешь от мужчины, чтобы встречаться с ним?»)⁵. Часто в таких видеороликах участницы называют завышенные, нереалистичные суммы, в результате чего клип мгновенно набирает просмотры, а секция комментариев «взрывается». Многие мужчины отвечают гневом, оскорблениями и обвинениями в меркантильности. В цикле пост – комментарии – новые ролики это порождает всплески мизогинии, а затем и зеркальные всплески мизандрии⁶. Таким образом формируется замкнутый круг поляризации: публичное пространство становится площадкой для подтверждения самых радикальных стереотипов о жадных женщинах и ненадежных мужчинах, что повышает межгендерное недоверие и снижает готовность к вступлению в долговременные отношения. Именно такие медиасценарии служат практическим примером деструктивного влияния сетевой среды: поощрение конфликтного поведения пользователей провоцирует рост взаимного недоверия и радикализацию межгендерных ожиданий. Подрывая микросоциальные основы диалога в паре, подобные механизмы вносят вклад в эрозию института семьи.

Все перечисленные факторы взаимно усиливают друг друга и образуют систему рисков, способную породить сценарий не просто кризиса, а устойчивого процесса деградации, чреватого исчезновением института семьи как массового социального института. Демографический кризис усугубляется экономической незащищенностью и рисками для персональной безопасности. Культурно-моральный сдвиг (релятивизм норм) подрывает действие традиционных механизмов социальной коррекции: при

⁴Сколько парень должен зарабатывать? [Электронный ресурс] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/shorts/msCOoU5ANpw> (дата обращения: 02.09.2025) ; Brady W. J., Crockett M. J. «Likes» and «shares» teach people to express more outrage online [Electronic resource] // YaleNews. URL: <https://news.yale.edu/2021/08/13/likes-and-shares-teach-people-express-more-outrage-online> (date of access: 01.09.2025) ; Mochon D., Schwartz J. Rage clicks: study shows how political outrage fuels social media engagement // Tulane University : website. URL: <https://news.tulane.edu/pr/rage-clicks-study-shows-how-political-outrage-fuels-social-media-engagement> (date of access: 01.09.2025) ; Profit motivation of social media companies may compel them to inject bias and create polarization, study finds // University of Kansas : website. URL: <https://business.ku.edu/news/article/profit-motivation-of-social-media-companies-may-compel-them-to-inject-bias-and-create-polarization-study-finds> (date of access: 01.09.2025).

⁵Сколько парень должен зарабатывать? [Электронный ресурс] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/shorts/msCOoU5ANpw> (дата обращения: 02.09.2025).

⁶Brady W. J., Crockett M. J. «Likes» and «shares» teach people to express more outrage online [Electronic resource] // YaleNews. URL: <https://news.yale.edu/2021/08/13/likes-and-shares-teach-people-express-more-outrage-online> (date of access: 01.09.2025) ; Mochon D., Schwartz J. Rage clicks: study shows how political outrage fuels social media engagement // Tulane University : website. URL: <https://news.tulane.edu/pr/rage-clicks-study-shows-how-political-outrage-fuels-social-media-engagement> (date of access: 01.09.2025) ; Profit motivation of social media companies may compel them to inject bias and create polarization, study finds // University of Kansas : website. URL: <https://business.ku.edu/news/article/profit-motivation-of-social-media-companies-may-compel-them-to-inject-bias-and-create-polarization-study-finds> (date of access: 01.09.2025).

отсутствии общепризнанных критериев должного поведения в семье теряют силу такие регуляторы, как общественное мнение, порицание референтной группой или репутационные издержки. Массовое распространение неблагоприятного детского опыта снижает индивидуальную договороспособность и способность к созданию устойчивых долгосрочных отношений. Конфликт новых гендерных ожи-

даний мешает партнерам достигать компромисса в базовых вопросах, блокируя создание устойчивых союзов. Медиасреда, продвигая конфликтный контент, влечет рост межполового недоверия и радикализацию межгендерных ожиданий. В совокупности эти процессы понижают мотивацию к заключению браков и рождению детей, что в перспективе ведет к маргинализации института семьи.

Постмодернистская социальная логика

Такие поведенческие черты, как непостоянство, ветреность, безответственность, неверность, неумеренность и неискренность, являются не случайным набором личностных дефектов, а следствием постмодернистской социальной логики. Отказ от больших нарративов порождает моральный релятивизм, фрагментация идентичности легитимирует сменяемость ролей, а потребительская логика переводит отношения в категорию товара. Технологии и медиа (приложения для знакомств, хукап-культура, перформативность в социальных сетях, медийная эстетика скандала) функционируют как практические каналы, ускоряющие эти процессы: интерфейсы облегчают быструю замену партнера, алгоритмы социальных платформ способствуют распространению поверхностных заимствованных моделей поведения (пастиш) и культивируют жизнь напоказ (перформанс), а вирусный контент нормирует эпатаж и межгендерную конфронтацию.

Хотя постмодернизм возник как модная интеллектуальная тенденция, которую часть исследователей рассматривают как логическое последствие модернизации, за привлекательной риторикой свободы выбора, пластической сексуальности, демократиза-

ции интимности (феномены, вскрытые Э. Гидденсом) скрываются деструктивные и социально опасные практики, которые имеют эстетически отталкивающий характер [12]. Люди с неблагоприятным детским опытом оказались особенно адаптированными к логике постмодернизма: их поведенческие стратегии (склонность к краткосрочным привязанностям, повторяющимся изменам, рискованным связям и аддикциям) в новых условиях получают социальную верификацию и фактически превращаются в новую норму [7; 12]. Нормализация травматических моделей привязанности не только легитимирует вредные практики, но и воспроизводит механизмы социального отторжения искренних и глубоко чувствующих субъектов, для которых ответственность и долговременная приверженность остаются ключевыми жизненными ориентирами. В связи с этим эстетико-нравственные последствия постмодернизма выходят за рамки индивидуальной этики и становятся институционально значимыми факторами: нормализация дисфункциональных моделей отношений снижает способность общества поддерживать стабильные воспроизводящие формы семейной жизни, что напрямую усиливает риск маргинализации института семьи.

Конфуцианская альтернатива

Выбор конфуцианской методологии в качестве возможного «лекарства» от рисков, ведущих к исчезновению института семьи, обусловлен профессиональной специализацией автора настоящей работы и теми положительными, по его мнению, ресурсами, которые сосредоточены в доциньской традиции: рационалистической методологией (аналитика – формулирование принципов – реализация – проверка); принципами, регулирующими поведение (仁 (жэнь), 信 (синь), 義 (и), 順 (шунь), 孝 (сяо), 善 (шань), 和 (хэ), 中庸 (чжун юн), 德 (дэ) и др.); процессом общественного воспитания как средством формирования устойчивых социальных практик [13]. Применение принципов доциньской традиции не обеспечит мгновенного решения всех проблем, но при условии правильной институциональной реализации может послужить основой для снижения ключевых рисков.

Нужно сразу признать важную проблему: в конфуцианстве ставится очень высокая «планка» моральных требований (искренность, верность и на-

личие общественно ориентированных добродетелей) [13]. Эти требования в корне конфликтуют с постмодернистской социальной логикой, а также с практиками перформанса и иронии, распространенными в современных медиа. Проще говоря, конфуцианское требование безупречности противоречит нынешней культуре легкости и сменяемости, и попытка просто ввести конфуцианский подход сверху либо не будет иметь эффекта, либо вызовет жесткий конфликт.

Однако существует практическая «лазейка», которая делает конфуцианский подход применимым в современных условиях. Ее суть состоит не в массовом навязывании морали, а в целенаправленном институциональном культивировании нравственных практик через честность и пример тех, кто принимает решения [13]. Иначе говоря, если костяк государственного и общественного управления действительно состоит из людей, демонстрирующих искренность, достоинство и служение (истинное правление,

воплощение принципов, регулирующих поведение (синь и дэ), то он через свой пример, «мягкую силу» и целенаправленные институциональные мероприятия способен стимулировать восстановление устойчивых семейных практик и поддерживать этот процесс [13].

Основываясь на вышеописанной практике, автор настоящего исследования предлагает практическую стратегию повышения устойчивости института семьи, состоящую из четырех взаимосвязанных шагов:

1) реализации принципа истинного правления [12]. Ключевым шагом по сохранению института семьи является формирование управленческой элиты, которая будет публично демонстрировать добродетельные практики (последовательность, ответственность, уважение к семейным обязанностям). Такие лидеры способны легитимировать и актуализировать новые старые ценности: их поведение создает нормативный пример, на который могут ориентироваться более широкие слои общества. Здесь важна не риторика, а специфика поведения – прозрачность, отказ от коррумпированности, готовность к личной ответственности;

2) реализации принципа личного примера и локального культивирования семейных ценностей [2]. Вместо директивного введения конфуцианского подхода сверху следует целенаправленно поддерживать инициативы гражданских и культурных элит (образовательные программы, культурные проекты, релевантные общественные практики), которые направлены на продвижение семейных моделей взаимопомощи и проявления ответственности. Такие локальные примеры выполняют функцию мягкой провокации: они делают ценности зримыми и привлекательными, побуждая людей к добровольному подражанию. Этот шаг предполагает создание условий и стимулов для добровольного принятия ценностей, а не запрет альтернативных (нежелательных) форм поведения или отношений;

3) обеспечения доступа к профессиональной психологической помощи и создания системы формирования семейных навыков. Массовое распространение неблагоприятного детского опыта и связанное с этим снижение договороспособности людей требуют масштабной подготовки различных специалистов: психологов, психотерапевтов, семейных терапевтов. Государственная поддержка программ переподготовки, создание сети доступных центров психологической помощи, внедрение семейной терапии в систему первичной помощи и формирование специализированных страховочных механизмов как финансового инструмента (обязательные или стимулируемые страховые линии, частично целевые сборы) обеспечат повышение доступности

профессиональной помощи и устойчивости семейных союзов;

4) экономической стабилизации, гарантирования безопасности и долгосрочного мира. Любая культурная или воспитательная программа будет малоэффективна без надежного экономического и внешнеполитического фона: стабильной занятости, доступного жилья, устойчивых социальных гарантий и отсутствия масштабных военных угроз. Этот фон выступает объективной предпосылкой для принятия людьми ответственности за семью и деторождение. Политика семейной поддержки должна быть внедрена в стратегию экономического развития.

Для сохранения института брака могут быть также предприняты дополнительные инструментальные меры:

1) медиамодерация и продвижение здоровых моделей отношений. Сдерживание распространения контента, провоцирующего радикализацию межгендерных ожиданий, целенаправленное продвижение материалов и практик, демонстрирующих ответственность и искренность (в том числе через незаметную для массового потребителя подачу), помогут уменьшить поляризацию и повысить культурный спрос на стабильные формы отношений;

2) демонстрация серьезности института брака. Повышение эффективности предбрачных процедур (консультации с семейными специалистами, информирование о возможных рисках и обязанностях, опциональные медицинские и социальные проверки) должно обеспечить более ответственный выбор пары;

3) финансирование профессиональной подготовки. Создание долгосрочных программ подготовки специалистов требует значительных затрат. Этот процесс целесообразно финансировать за счет средств государственного бюджета, страхового фонда и частных инвестиций в социальные сервисы.

Важно подчеркнуть, что предлагаемый подход не направлен на запрещение постмодернистской социальной логики и жесткую легистскую регламентацию частной жизни. Речь идет о многоуровневой адаптивной политике, которая сочетает этический пример лидеров, институциональную поддержку терапевтических и образовательных практик, экономические стимулы, коммуникационные стратегии, повышающие устойчивый культурный спрос на ответственное семейное поведение. Только такая комплексная стратегия, опирающаяся на конфуцианскую методологию, способна реально снизить и в перспективе частично устранить риски, ведущие к исчезновению института семьи.

Заключение

Проведенный анализ рисков, угрожающих институту семьи в XXI в., демонстрирует масштабность и взаимосвязанность вызовов, с которыми

сталкивается современное общество. Демографический кризис, экономическая нестабильность, культурно-моральный сдвиг, массовое распространение

неблагоприятного детского опыта, конфликт новых гендерных ожиданий и медиарадикализация образуют сложную систему рисков, которая может спровоцировать фундаментальную трансформацию или даже исчезновение семьи как массового социального института.

Критический анализ постмодернистской социальной логики показывает, что за риторикой свободы выбора скрываются деструктивные механизмы, которые подрывают основы долгосрочных партнерских отношений и способствуют нормализации дисфункциональных моделей привязанности. Особенно тревожным представляется то, что люди с травматическим опытом оказались наиболее адаптированными к этой логике, вследствие чего их поведенческие стратегии превращаются в новую социальную норму.

В данном контексте конфуцианство предлагает альтернативный подход, основанный на добродетелях (искренности, ответственности, стратегическом мышлении и общественном служении). Созданная автором настоящего исследования четырехкомпонентная стратегия является комплексной альтернативой как директивным запретам, так и деструктивным тенденциям. Особенно перспективными представляются предложения по повышению досту-

па к психологической помощи и созданию системы формирования семейных навыков. С учетом установленной связи между неблагоприятным детским опытом и неспособностью к созданию устойчивых долгосрочных отношений инвестиции в психическое здоровье населения могут оказаться критически важным фактором сохранения института семьи.

Безусловно, реализация предложенной стратегии требует значительных ресурсов, политической воли и времени. Однако альтернатива (продолжение деградации института семьи) представляется гораздо более затратной как в экономическом, так и в социальном плане. В условиях глобального демографического кризиса поиск эффективных решений становится проблемой не только социальной политики, но и национальной безопасности.

В рамках дальнейших исследований по данной теме возможно теоретически конкретизировать и формализовать конфуцианские механизмы общественного воспитания: раскрыть их нормативные основания и каналы репродукции ценностей, соотнести эти механизмы с современными теориями социализации и институциональной устойчивости, выработать критерии межкультурного сравнительного анализа и теоретической верификации предложенных моделей.

Библиографические ссылки

1. United Nations Department of Economic and Social Affairs. *World population prospects 2024: summary of results*. New York: United Nations; 2024. 64 p.
2. United Nations Department of Economic and Social Affairs. *World fertility report 2024*. New York: United Nations; 2025. 88 p.
3. Пищик ВИ, Спивачук ЗВ. Отношения мужчины и женщины в условиях псевдопатриархальной семьи: социально-психологический взгляд. *Человек. Сообщество. Управление*. 2017;18(3):108–114. EDN: ZQODHT.
4. Сухов АН. Безопасность семьи: социально-психологический аспект. *Человеческий капитал*. 2021;10:87–94. DOI: 10.25629/НС.2021.10.12.
5. Губанов НИ. Нищета философии постмодернизма. *Философия и общество*. 2007;1:54–68. EDN: RKYLEN.
6. Шепель ВВ. Моральное сознание в эпоху постмодерна. *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. 2025;1:48–52. DOI: 10.36809/2309-9380-2025-46-48-52.
7. Каледа ВГ, Кулешов АА, Крылова ЕС. Пограничное расстройство личности в юношеском возрасте: особенности психопатологии и закономерности течения. *Журнал неврологии и психиатрии имени С. С. Корсакова*. 2023;123(4):91–97. DOI: 10.17116/jnevro202312304191.
8. Козлов МЮ. Психологическое благополучие и типы привязанности в норме и при пограничном расстройстве. *Психиатрия*. 2024;22(4):25. DOI: 10.30629/2618-6667-2024-22-4-2.
9. Felitti VJ, Anda RF, Nordenberg D, Williamson DF, Spitz AM, Edwards V, et al. Relationship of childhood abuse and household dysfunction to many of the leading causes of death in adults. *American Journal of Preventive Medicine*. 1998;14(4):245–258.
10. Borowski L, Lipiec D. The sacrament of marriage in the catholic tradition and the culture of the temporary. *Religions*. 2025;16(6):704. DOI: 10.3390/rel16060704.
11. Коблева ЗХ. Гражданский брак как проявление трансформационных процессов в системе семейно-брачных отношений. *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*. 2021;4:219–230. DOI: 10.15593/2224-9354/2021.4.15.
12. Giddens A. *The transformation of intimacy. Sexuality, love & eroticism in modern society*. Cambridge: Polity Press; 1992. 205 p.
13. Конфуций. *Суждения и беседы*. Переломов ЛС, переводчик. Москва: Рипол классик; 2017. 360 с. (PRO власть).

Статья поступила в редакцию 25.11.2025.
Received by editorial board 25.11.2025.